

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ

Психологические проблемы современного российского общества

Ответственные редакторы

*А. Л. Журавлев,
Е. А. Сергиенко*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РАН»
МОСКВА – 2012

- Сергиенко Е. А.* Контроль поведения: индивидуальные ресурсы субъектной регуляции // Психологические исследования. 2009. № 5–7. URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2009n5-7/223-sergienko7.html> (дата обращения: 04.02.2012).
- Сергиенко Е. А.* Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Сергиенко Е. А., Виленская Г. А., Ковалева Ю. В.* Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Стреляу Я.* Роль темперамента в психическом развитии. М.: Прогресс, 1982.
- Томас А., Чесс С.* Значение темперамента для психиатрической практики // Детство идеальное и настоящее. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1994. С. 131–144.
- Шапкин Е. А.* Экспериментальное изучение волевых процессов. М.: Смысл, 1997.
- Pulkkinen L.* Self-control in Childhood and Adult Personality Styles // XXIX Kongress der Deutschen Gesellschaft für Psychologie. Hamburg, 1994.
- Rieder C., Cicchetti D.* Organizational Perspective on Cognitive Control Functioning and Cognitive-Affective Balance in Maltreated Children // *Developmental Psychology*. 1989. V. 25. № 3. P. 382–393.

ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ СЕМЬИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ КАК ЗАЩИТНЫЙ ФАКТОР СЕМЬИ

А. В. Махнач, Ю. В. Постылякова

Актуальность исследования

Проблемы, вызываемые нестабильностью и неблагополучием семей, являются для нашего общества актуальными и насущными как никогда. В последние десятилетия произошло глубокое обострение социальных проблем, которые, в свою очередь, негативно сказались на положении большинства семей. Известно, что Россия находится в демографическом кризисе, поэтому семья как основа общества и его важнейшая социальная ценность с недавнего времени стала объектом активной демографической политики государства. В проекте Федерального закона «Об основах государственной поддержки семьи в Российской Федерации» не только закреплены на законодательном уровне цели, принципы и основные направления государственной поддержки семьи, но, что особенно важно для психологов, в нем впервые предпринята попытка дать правовые определения таким понятиям психологии как «насилие в семье», «безопасность семьи», «социальное развитие семьи». Последствия негативных тенденций и явлений в российских семьях представляют собой потенциальную угрозу обществу как социально-демографического и экономического, так и этико-психологического плана (Дымнова, 1998). В настоящее время исследования семьи сосредоточены главным образом на вопросах обеспечения ее сохранности как важнейшего базового элемента социума и трансляции семейных культурных традиций от одного поколения людей к другому. Акцентирование именно этих двух социальных запросов в исследованиях и практике говорит о том, что современная семья, испытывающая нарастающий стресс, перестает справляться с выполнением этих двух своих важнейших функций (Крюкова, Петрова, 2006; Орлов, 1995). В связи с неоднозначностью данных в исследованиях семьи,

изучение семейного стресса, семейных ресурсов, стратегий совладания со стрессом и жизнеспособности семьи в целом крайне важны.

Жизнеспособность как основа исследования семьи

Понятие «жизнеспособность» (resilience) не является новым термином, хотя его научное определение в психологии до сих пор остается дискуссионным. В российскую психологию понятие «жизнеспособность» было введено Б. Г. Ананьевым, который рассматривал ее в числе основных потенциалов развития индивида (Ананьев, 1968). Исследования жизнеспособности последних двух десятилетий были направлены на ее теоретическое осмысление. Большую роль в этом сыграли многочисленные эмпирические данные. Появление нового понятия в психологии всегда приводит к возникновению разных его определений. Жизнеспособность определяют как способность к самостоятельному существованию, развитию и выживанию. «Жизнеспособность – это способность человека или социальной системы строить нормальную, полноценную жизнь в трудных условиях» (Ваништендаль, 1998). По нашему мнению, жизнеспособность – «индивидуальная способность человека управлять собственными ресурсами: здоровьем, эмоциональной, мотивационно-волевой, когнитивной сферами в контексте социальных, культурных норм и средовых условий» (Махнач, Лактионова, 2007, с. 294). В данной статье мы ставим своей целью исследовать жизнеспособность семьи, так как концепция ее жизнеспособности расширяет понимание здоровой семьи, функционирующей в неблагоприятных условиях жизни. Ф. Уолш заметила, что хотя некоторые семьи распадаются в кризисных условиях, удивительно то, что многие проявляют все признаки силы и ресурсности. Концепция жизнеспособности семьи рассматривает каждого ее члена как потенциальный ресурс для семьи в целом, который увеличивает жизнеспособность семьи как функциональной единицы (Walsh, 2003). Известно что, семья относится к защитному фактору (фактору жизнеспособности), если она устойчива к фактору риска, и семья дисфункциональна, если она к нему неустойчива. Поэтому мы можем говорить о том, что семья может являться ресурсом жизнеспособности только в том случае, если становится защитным фактором. Функционирование семьи оценивается всегда в контексте ее существования: рассматриваются связанные с семьей ценности, ресурсы. Процессы оптимального функционирования в семье и благополучие каждого из ее членов

видится всякий раз по-разному в зависимости от этих ориентиров и вовлеченности всей семьи в жизненный цикл каждого из ее членов (Boss, 1987; Walsh, 2003). В отечественных исследованиях, посвященных проблемам семьи и брака, также говорят о семейной функциональности и дисфункциональности этих социальных институтов. Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис считают, что «нормально функционирующая семья – это семья, которая ответственно и дифференцированно выполняет свои функции, вследствие чего удовлетворяется потребность в росте и изменениях как семьи в целом, так и каждого ее члена» (Эйдемиллер, Юстицкис, 1999, с. 23). Существуют разработанные алгоритмы анализа семьи, позволяющие рассматривать ее как жизнеспособную или нежизнеспособную, опираясь на анализ факторов риска и защитных факторов.

Для того чтобы исследовать жизнеспособность семьи необходимо выделить как факторы, делающие ее более уязвимой (факторы риска), так и факторы, которые защищают семью (факторы жизнеспособности). В тех случаях, когда факторы риска и уязвимости перевешивают защитные факторы, встает вопрос: каким образом первые два фактора наносят вред, вызывая то или иное нарушение.

Факторы риска и защитные факторы семьи

Определимся с понятиями факторов риска и защитных факторов семьи. В качестве фактора риска мы будем рассматривать семейный стресс, а в качестве защитного фактора (фактора жизнеспособности) – семейные ресурсы. Традиционно большинство исследователей нацелено на идентификацию факторов жизнеспособности индивида, и в связи с этим выделяют факторы риска и защитные факторы, формирующие эту жизнеспособность. К защитным факторам относят такие факторы, как доверительные отношения, эмоциональная поддержка вне семьи, чувство собственного достоинства, надежды, ответственности за риск, самоощущения успешности, привлекательности, уверенности в себе. К факторам риска относят любое условие или обстоятельство, которое повышает вероятность нарушения адаптации индивида (Kazdin et al., 1997). Вместе с тем появляется все больше исследований, посвященных вкладу жизнеспособности индивида в жизнеспособность семьи.

В исследовании влияния хронического стресса на матерей-одиночек, отнесенных к группе социально и экономически незащищенных, были выделены психологические ресурсы личности и жизнеспособ-

ность неполной семьи в целом. «Посредническая» роль жизнеспособности семьи по отношению к ресурсам (т. е. защитному фактору) личности позволяет, по мнению авторов, снижать влияние хронического стресса, возникающего после таких событий, как смерть близкого, развод, серьезное заболевание, насилие, злоупотребление алкоголем и др. (Reding, Wijnberg, 2001). Предикторами поведенческих или функциональных нарушений в семье могут выступать следующие факторы риска: физическое или психологическое насилие (Gaudin et al., 1993; Polansky et al., 1985), инцест и насилие (Yegidis, 1997), опыт раннего ухода из семьи или потеря кого-то из близких в раннем возрасте (Brown et al., 1986), злоупотребление алкоголем или наркотиками (Parker, Hartford, 1988), семейная история неблагополучия матери (Hall et al., 1991), которые никак не способствуют развитию жизнеспособности семьи. Все эти факторы могут «изнашивать» жизнеспособность как индивида, так и семьи и предрасполагать человека к хроническому стрессу, к снижению способности совладания со стрессом, а семью лишать устойчивости (Rodgers, 1998), жизнеспособности.

В некоторых исследованиях отмечается, что защитные факторы часто связаны с жизнеспособностью семьи. Они увеличивают ее способность обеспечивать себя защитой и/или адаптивностью в случае неудачи, угрозы жизни или стресса (Fraser et al., 1999). Защитные факторы семьи проявляются в: возможности получения социальной поддержки (Cohen, Symes, 1985); физическом или психологическом благополучии ее членов, приверженности религии (Moos, 1995); невыраженном уровне бедности; отсутствии домашнего насилия, безработицы, злоупотреблений алкоголем, наркотиками (Fraser et al., 1999). Согласно К. Тьет с коллегами компенсаторные факторы (здоровое функционирование семьи, ценность получения образования в семье как факторы жизнеспособности семьи и т. д.) всегда имеют благоприятное влияние на жизнеспособность индивида вне зависимости от уровня риска. Факторы риска (бедность, злоупотребление алкоголем, заключение в тюрьму и т. д.), напротив, всегда имеют потенциал негативного воздействия на человека и не способствуют формированию жизнеспособности семьи (Tiet et al., 1998). На большой выборке работающих и неработающих матерей было подтверждено, что духовность, включающая смысл жизни, является самым главным предиктором жизнеспособности индивида и позитивной адаптации в зрелом возрасте и в старости (Dunn, 1994). Позже роль этого качества личности была показана и для жизнеспособности

семьи. Используя тот же набор тестов Дж. Уокер и Р. Ли, выявили подобные закономерности в исследовании семейных пар, где супруги росли в семьях алкоголиков (Walker, Lee, 1998).

Таким образом, можно сделать вывод, что жизнеспособность связана с непрерывными интеракциями между защитными факторами и факторами риска, связанными с самим индивидом, а также возникающими между ним и его окружением внутри семьи, что и определяет жизнеспособность семьи в целом.

Семейный стресс как фактор риска. Одним из показателей жизнеспособности семьи является ее способность совладания с семейным стрессом. Семейный стресс, несомненно, относится к факторам риска, и изучению стресса было посвящено множество исследований.

С. Хобфолл, Ч. Спилбергер определяют семейный стресс как продолжение индивидуального стресса применительно к семейной области, когда «члены семьи и семья как целое изменяются под влиянием окружающей среды, которая перегружает их индивидуальные и коллективные ресурсы и угрожает семейному благополучию» (Hobfoll, Spilberger, 1992, с. 1). Также семейный стресс определяется как нарушение в обычном заведенном распорядке семьи (Balswick, Balswick, 1993), как нарушение в устойчивом положении семьи (Boss, 1987).

Р. Хилл в своей работе «Семьи под стрессом» исследовал семьи и их способность к адаптации в кризисе. Он предложил *модель семейного кризиса*, согласно которой после наступления стрессового события семья может оказаться в кризисе, войти в *период дезорганизации*, когда предыдущие интеракции и совладающие стратегии становятся неадекватными, недействующими или блокируются. После этого наступает *период восстановления*, когда семья начинает процесс реорганизации, в результате которого она может достичь нового уровня функционирования: выше, ниже или равного тому, который она имела до наступления стрессового события (Hill, 1949). Предполагается, что жизнеспособная семья не должна быть выведена из строя кризисом.

Однако, главным вкладом Хилла в исследование семьи явилась его *АВС-Х модель семейного стресса* (там же). Данной моделью он заложил надежную базу для всех дальнейших научных исследований семейного стресса и представил каркас для теории семейного стресса, который включал в себя три переменные: А – стрессор, или жизненное событие, которое является достаточной величиной для создания изменений в семейной системе и является фактором

риска; В – ресурсы, имеющиеся в распоряжении семьи и каждого ее члена во время данного события и являющиеся защитным фактором (фактор жизнеспособности); С – восприятие семьей события и то значение, которое семья (индивидуально и коллективно) придает ему. Восприятие события может выступать и как фактор риска и как фактор жизнеспособности, в зависимости от того, к чему приводит это осмысление – к совладанию или к кризису семьи. Х-фактор – результат стресса, или кризис, который возникает как реакция на стрессовое событие и процесс совладания; соответственно, Х-фактор зависит от баланса между факторами риска и защитными факторами. Другими словами, Х-фактор определяет, насколько конкретная семья может называться жизнеспособной, насколько семья умеет видеть и использовать защитные факторы в сложных жизненных ситуациях, т. е. жить полной жизнью, что сопоставимо с определением жизнеспособности: «жить хорошо, любить хорошо, работать хорошо» (Garmezy, 1976).

Зарубежные исследователи сходятся во мнении, что переменные А, В, С, Х, принятые в модели Хилла, остаются базовыми для теории семейного стресса. Хобфолл и Спилбергер выделяют их в качестве центральных, стержневых конструктов в моделях семейного стресса (Hobfoll, Spilberger, 1992).

Существующие модели семейного стресса, как правило, включают в себя все вышеперечисленные конструкты. Однако основной фокус исследования часто приходится на какой-то один из них. Ниже мы рассмотрим основные модели семейного стресса, опираясь на А-, В-, С-, Х-элементы.

Стресс-факторы (фактор А, фактор риска). Акцент на стрессоры является центральным для всех теорий и моделей семейного стресса, где ключевыми являются семейные события. Хилл (Hill, 1949) рассматривал в качестве стрессоров события, которые заключали в себе принуждение к изменению в семейной системе. Полагалось, что изменение само по себе является стрессором. Данная концепция изменения как основного элемента семейного стресса предлагалась многими исследователями (McCubbin, Patterson, 1983; Boss, 1987) и получила дальнейшее развитие в исследованиях, показавших, что само по себе событие не является стрессором (Hobfoll, Spilberger, 1992; Boss, 1987).

Семейные и индивидуальные ресурсы (фактор В, фактор жизнеспособности). Семейные ресурсы – это ценные социальные, экономические, психологические, эмоциональные и физические качества,

которые члены семьи могут использовать при совладании со стрессом. К таким ресурсам мы относим: гибкость семейных границ, ролевую гибкость, возможность пересмотра семейных правил, ясную коммуникацию, умеренную сплоченность семьи, открытость в восприятии окружающего мира.

В целом семейные ресурсы складываются из индивидуальных психологических ресурсов каждого члена семьи и ресурсов, которые присущи семье как системе. Под индивидуальными психологическими ресурсами мы понимаем физиологические, когнитивные, личностные, социально-психологические (например, принятие себя и других, уверенность в себе, умение распознавать потенциально стрессовые ситуации и контролировать уровень стресса и др.) качества и свойства субъекта (в основном им осознаваемые), которые обладают возможностью накопления/расходования, развития и видоизменения и к которым субъект обращается в моменты стресса и сложных жизненных ситуаций с целью совладания с ними (Постылякова, 2010).

Однако большинство важных ресурсов, необходимых для совладания с семейным стрессом, содержатся главным образом в самой семейной системе. Некоторые семьи, обладая многими ресурсами, используют их так неумело, что они становятся малоценными во время кризиса. Способность обращаться с ресурсами – неопределимый инструмент в периоды стресса (Balswick, Balswick, 1993). Хобфолл и Спилбергер предложили интегративную теорию семейного стресса, фокусирующуюся на ресурсах. Она известна как *теория сохранения ресурса*. Роль ресурсов является ключевым конструктом в данной теории, основное положение которой заключается в том, что индивиды (поодиночке или в системе) стараются увеличивать приток ресурсов и минимизировать их потерю. Главными источниками стресса являются: а) угроза потери ресурсов; б) актуальная потеря ресурсов; в) недостаточное восстановление ресурсов после значительного их расходования. События являются стрессовыми в той мере, в какой они угрожают или приводят в итоге к потере семейных ресурсов. В рамках данной теории утверждаются четыре основные категории ресурсов: а) объективные, предметные ресурсы (например, транспортные средства и дом); б) условные ресурсы (например, хороший брак и занимаемая должность); в) личностные ресурсы (например, самооценка и социальное положение); г) потенциальные ресурсы (например, деньги и хорошая репутация). Данная теория утверждает, что стресс происходит при потере ресурса,

даже если потеря не превышает размер всех имеющихся ресурсов. При этом семьи становятся более уязвимыми к стрессу (Hobfoll, Spilberger, 1992).

Неизвестно, как семья будет использовать имеющиеся ресурсы. Если семья имеет в своем распоряжении мало и семейных, и индивидуальных ресурсов, то процесс совладания может никогда не начаться или в конечном итоге привести к кризису (Boss, 1987).

Ряд исследователей полагают, что некоторые семейные ресурсы являются особенно важными при совладании со стрессовыми событиями. К таким ресурсам относят: а) гибкость/адаптивность–ригидность; б) сплоченность–разделенность; в) коммуникация–уединенность; г) определенные, ясные границы – неопределенные, неясные границы; д) порядок, мастерство – хаос, беспомощность (Boss, 1987; McCubbin, Patterson, 1983; и др.).

П. Босс (Boss) говорит о диалектической природе некоторых ресурсов (Boss, 1987). В этой связи стоит упомянуть циркулярную модель Д. Олсона, которая имеет три измерения, выступающие в качестве ресурсов: а) сплоченность; б) адаптивность; в) коммуникация. Основное положение этой модели заключается в том, что сбалансированные системы в целом будут функционировать более адекватно, чем несбалансированные (Olson, 1996). В ситуации стресса семьи будут модифицировать сплоченность, адаптивность и гибкость, приспособляясь к обстоятельствам. Также и коммуникативные навыки помогают сбалансированным семьям при необходимости легче изменять свои уровни близости и гибкости, чем несбалансированным. Кроме того, коммуникация должна быть эмпатической и поддерживающей, а не дисквалифицирующей или содержащей двойные послания. Босс отмечала особую важность для семьи определенности границ, понимания членами семьи того, кто включен в семью, а кто нет (Boss, 1987).

Т. Валдрен с коллегами использовали в исследовании семьи теорию соответствия, в которой акцент делается на соответствие ресурсов требованиям текущей задачи (Waldren et al., 1990). С. Хобфолл и А. Во говоря о соответствии, отмечали, что не ресурсы согласуются с требованиями, а скорее люди адаптируют (или подготавливают) свои ресурсы для встречи с требованиями (Hobfoll, Vaux, 1993). Это означает, что более адаптивные семьи формируют свои ресурсы для ответа на меняющиеся требования, используя уже сформированный навык применения того или иного защитного фактора (фактора жизнеспособности).

Другой существенный ресурс – *сеть социальной поддержки* или поддерживающая система: друзья, соседи, сотрудники и т. п., к помощи которых семьи могут обращаться при необходимости. Отмечается так же важность *географической стабильности для семейной системы*, так как, если семья не имеет такого ресурса, то она высоко уязвима для всех стрессов, с которыми может столкнуться (Balswick, Balswick, 1993).

Исследователи роли социальной поддержки для жизнеспособности семьи выявили три основных фактора: а) сеть поддержки как ресурс; б) поддерживающее поведение; в) субъективная оценка поддержки. Все эти три аспекта социальной поддержки являются важными и имеют различные основания и влияния (Greeff, van der Merwe, 2004; Hobfoll, Spilberger, 1992). Исследования показали, что более сильная семейная поддержка связана с наиболее низким риском сердечно-коронарных заболеваний у детей, с лучшей психологической адаптацией у подростков, с лучшей семейной адаптацией в семьях с хронически или тяжело больными детьми и лучшей адаптивностью в период после развода (Kazak, 1989; и др.). Однако Хобфолл и Спилбергер указывают на трудность в разделении концепции социальной поддержки и других семейных ресурсов (Hobfoll, Spilberger, 1992).

Восприятие события (фактор С, может относиться как к фактору риска, так и к фактору жизнеспособности в зависимости от того, к чему приводит это осмысление – к совладанию или к кризису семьи). Уже в своей ранней работе Хилл отмечал важность семейного восприятия события и того значения, которое семья ему придает, при сопротивлении стрессу и адаптации к нему (Hill, 1949). В свою очередь, Босс предложила контекстуальную модель семейного стресса, в которой особое значение придается фактору восприятия семьей события-стрессора. Данный фактор в конечном итоге определяет, совладает ли семья со стрессом или окажется в кризисе. Автор рассматривает семейный контекст, исходя из социально-психологической и биологической перспективы и анализируя макро- и микроуровни функционирования семьи (Boss, 1987). В этом подходе ее исследования близки по духу к экологической теории развития У. Бронфенбреннера, согласно которой развитие человека – это динамический процесс, идущий в двух направлениях. Растущий человек постоянно испытывает воздействие со стороны различных элементов окружающей его среды и в то же время сам активно реструктурирует свою многоуровневую жизненную среду

(Bronfenbrenner, 1979). По Бронфенбреннеру, в развитии индивида существуют четыре следующих контекста: *семейный, социальный, культурный и исторический*. И в этом его работы созвучны с основными постулатами культурно-исторической концепции психического развития Л. С. Выготского.

Внешний контекст события-стрессора или ситуации состоит из шести показателей: исторического, экономического, контекста развития, конституционального, религиозного и культурального. *Исторический* контекст относится ко времени, когда событие произошло: например, в период Второй мировой войны, после вьетнамского конфликта и т. п. *Экономический* контекст включает в себя состояние внешней, окружающей экономики, а также крупные изменения в семейном экономическом положении, которые могут явиться результатом, например, неожиданного выигрыша (или проигрыша) в лотерею и т. п. По мнению Уолш экономические изменения последних лет и увеличивающаяся множественность вариантов организации семьи определяют тот факт, что ни одна модель здоровой семьи не охватывает всех возможных вариантов существующих структур семьи (Walsh, 2003). Контекст *развития* – это стадия жизненного цикла как отдельной личности, так и самой семьи. Недавно созданная семья, например, может воспринимать факт беременности более позитивно, чем зрелая семья, в которой уже есть шесть детей. Различные уровни возникшего в данных семьях стресса могут быть точнее объяснены с помощью стадий развития, а не самим событием. *Конституциональный* контекст – это биологическое здоровье и физическая сила членов семьи. Некоторые люди и, следовательно, семьи из-за сильных и здоровых членов семьи или хорошего окружения оказываются просто сильнее, энергичнее, чем другие. Такие люди инициируют и поддерживают процесс совладания. Хорошая конституция облегчает защиту себя и своей семьи, когда возникает событие-стрессор. *Религиозный* контекст также влияет на то, как семья воспринимает событие. Особенно это касается попыток контролировать ситуацию или мириться с ней, вопросов о том, кого обвинить в том, что случилось, и об уровне вины, лежащей на семье. Различные верования являются частью внешнего семейного контекста. Культуральный контекст составляет главную часть внешнего контекста, где он предусматривает каноны и нравы, с помощью которых семьи определяют стрессовые события и ресурсы совладания с ними. Культура, частью которой является семья, устанавливает правила, которыми семья оперирует

на микроуровне. Иногда семья может одновременно принадлежать еще и к субкультуре, которая конфликтует с главенствующей культурой. Культуральное несоответствие между внутренним и внешним контекстами помогает объяснить причину того, почему одни семьи переживают сильный стресс, а другие оказываются в кризисе.

В исследовании факторов жизнеспособности также учитывают ряд из вышеописанных контекстов. В частности, рассматривая *совладание с трудными жизненными ситуациями и адаптацию*, обращают внимание на когнитивные и поведенческие стратегии, используемые индивидом для управления потребностями в неблагоприятных условиях, на его приспособление к изменяющимся, неблагоприятным обстоятельствам, на то, как индивид оценивает ситуацию, как он усваивает опыт, полученный им в предшествующих стрессовых ситуациях и насколько успешно приспосабливается к ним. Исследуя *семейные/социальные взаимосвязи*, изучают межличностные связи как источник эмоциональной поддержки со стороны семьи, общества, служащие основанием жизнеспособности. Жизнеспособность в этом случае включает способность индивида использовать семью, социальную и всякую другую внешнюю систему поддержки для лучшего совладания со стрессом. Обращая внимание на *веру или духовную жизнь* индивида как источник жизнеспособности, оценивают уровень духовности и нравственности индивида (Cohen, Symes, 1985; Dunn, 1994; Kumpfer, 1999; Masten, Reed, 2005).

Шесть показателей внешнего семейного контекста влияют на внутренний контекст семьи. Внутренний контекст семьи, находящейся в стрессе, имеет три составляющие: социологическую, психологическую и философскую. *Социологический* контекст – это структура и функция семьи, включающие ее границы, распределение ролей и восприятие того, кто находится *в*, а кто *вне* этих границ. *Психологический* контекст – это способность (или неспособность) семьи использовать защитные механизмы, когда происходит стрессовое событие. Примером может служить механизм отрицания семьей какой-либо проблемы или стрессового события в целом, что, в свою очередь, блокирует способность семьи к разрешению трудности и ее способность к реорганизации. *Философский* контекст семьи – это ее ценности и верования, убеждения на микроуровне.

Правила отдельной семьи могут отличаться от правил той главенствующей культуры, к которой она принадлежит. Например, в семьях этнических меньшинств внутренний и внешний контексты могут находиться в конфликте, что приводит к увеличению стрес-

са. Все эти три составляющих внутреннего контекста семьи важны для определения семьи как жизнеспособной. В каждом конкретном случае следует обращать внимание на то, какой из контекстов задействован больше и стал ли он общим для всех членов семьи. Часто фактор риска настолько сильно влияет на семью, что обращение к тем или иным контекстам или их использование не происходит только потому, что члены семьи не знают об их существовании и/или не имеют опыта их использования. Анализируя микроуровень функционирования семьи, можно увидеть, что и правила совладания со стрессом могут быть различными. Хотя семейные верования и ценности подвергаются влиянию главенствующей культуры и религиозного контекста, семейная философия оказывает более непосредственное влияние на восприятие семьей стрессового события. Кроме того, конкретная семья имеет возможность больше контролировать внутренний контекст, чем контекст внешний. В одном и том же культуральном или религиозном контексте семьи имеют свою, отличную от других, семейную философию. Данная модель показывает, что стрессовое событие не оказывает прямого влияния на семью. Скорее, восприятие события посредством внутреннего и внешнего контекстов определяет, будет ли семья совладать со стрессом или окажется в кризисе, окажется ли она жизнеспособной, обращаясь к имеющимся в ее арсенале защитным факторам.

Кризис или совладание (фактор X, зависит от баланса между факторами риска и защитными факторами). Согласно Д. Клейну и Е. Линдемману, кризис – это реакция личности на препятствие, которое стоит на пути важных жизненных целей и является в данный момент времени непреодолимым посредством обычных методов решения проблем (Klein, Lindemann, 1961). По мнению Босс (Boss, 1987), это определение, данное относительно индивидуальности, согласуется с определением развития кризиса, предложенным семейным социологом Хиллом (1949). Кризису предшествует стресс. Однако стресс не всегда заканчивается кризисом. Многие индивиды и семьи живут, испытывая высокий стресс на протяжении жизни, и никогда не достигают кризисной точки. Кризис зависит от стресса, но стресс может произойти независимо от кризиса. По мнению Босс, эти два понятия не являются взаимозаменяемыми (Boss, 1987).

Стресс отличается от кризиса длительностью и степенью тяжести. Хотя семейный стресс может длиться в течение долгих периодов времени, семейный кризис ограничен во времени и имеет переломную точку. Семейное совладание (как противопоставление нахождению

в кризисе) подразумевает, что именно семья делает со своими ресурсами. По мнению Босс, только если семья приводит свои ресурсы в действие, процесс совладания со стрессом начинается (там же). Совладание является весьма емкой концепцией, которая включает поведенческую, эмоциональную и когнитивную активность, которую индивидуальности и семьи используют с целью приспособления и адаптации к стрессовым событиям и обстоятельствам (McCubbin, Patterson, 1983; Moos, 1995).

Исследования, посвященные совладанию, главным образом фокусируются на трех основных его видах: когнитивно ориентированное, или сфокусированное на оценке; проблемно ориентированное; эмоционально ориентированное. Хобфолл с коллегами предложили двухосевую модель совладания, которая включает активно-пассивное и просоциально-антисоциальное измерения. Было обнаружено так же половое и ролевое различие в совладании: мужчинам присуще активно-антисоциальное совладание, тогда как женщин характеризует пассивно-просоциальное совладание (Hobfoll et al., 1994).

Подводя итог данным по исследованиям семейных ресурсов как фактора жизнеспособности семьи, отмечаем, что большинство ресурсов, необходимых для совладания с семейным стрессом, являющимся несомненным фактором риска для семьи, содержатся главным образом в самой семейной системе, в понимании и умении использовать защитные факторы, факторы жизнеспособности.

Методы исследования семейных ресурсов как факторов жизнеспособности

В качестве переменных, позволяющих оценивать семейные ресурсы как факторы жизнеспособности семьи, нами были выделены основные характеристики семьи как системы: семейные границы, семейная сплоченность, семейная коммуникация, семейные роли и правила, способность обращаться с ресурсами, социальная поддержка, финансовая свобода, физическое здоровье членов семьи.

Однако на сегодня в отечественной семейной психологии не существует опросника, позволяющего комплексно оценивать системные семейные ресурсы. Существующие за рубежом тесты, направленные на оценку ресурсов семьи, дают возможность оценивать ресурсы как защитный фактор семьи только частично.

Так, например, такая характеристика, как сплоченность является одной из переменных в «Шкале оценки семейной адаптивности

и сплоченности III» (Family Adaptability and Cohesion Evaluation Scales III (FACES III): D. Olson et al., 1986), в «Шкале семейного окружения» (Family Environment Scale (FES): Moos, Moos, 1986), и в созданном Б. Блумом на основе этих опросников инструменте измерения семейного функционирования «Colorado Self-Report Measure of Family Functioning» (1985). Со сплоченностью и адаптивными способностями тесно связана способность семьи управлять стрессом (Balswick, Balswick, 1993).

Семейные роли и правила, внутренние и внешние семейные границы оцениваются в «Клинической шкале оценок для Циркулярной модели брака и семейной системы» (Clinical Rating Scale for the Circumflex Model of Marital and Family Systems; Olson et al., 1985).

В «Модели МакМастера» (The McMaster Model of Family Functioning; Epstein et al., 1978) исследуются шесть аспектов функционирования семьи, среди которых: способности семьи к решению проблем, коммуникации в семье, семейные роли, аффективная отзывчивость, объединяющая в себе группу эмоциональных отношений в семье, аффективная вовлеченность и контроль над поведением. На основе этой модели авторами создано два опросника с аналогичными шкалами: «McMaster Family Assessment Device» (FAD); «McMaster Clinical Rating Scale» (Epstein et al., 1982).

Финансовая свобода, отсутствие финансовых затруднений является значимым семейным ресурсом. А. Маслоу не включил деньги в созданную им иерархию потребностей, но выделял их в качестве важного универсального способа удовлетворения различных потребностей на разнообразных уровнях иерархии (Маслоу, 1954). Хобфолл и Спилбергер определяли деньги в качестве потенциальных семейных ресурсов (Hobfoll, Spilberger, 1992). Х. Маккубин, Дж. Пэттерсон и Л. Уилсон включили в «Семейный опросник жизненных событий и изменений» (Family Inventory of Life Events and Changes – FILE) переменную, позволяющую оценить семейные нарушения, вызванные финансовыми проблемами (McCubbin et al., 1982).

Важной переменной, позволяющей оценивать успешное противодействие нарушению, которое возникает в семейной системе, является способность семьи решать проблемы. Адаптивные навыки решения проблем делают супругов более стойкими к жизненным событиям, а недостаточность этих навыков способствует уязвимости супругов перед жизненными событиями (Эйдемиллер, Юстицкис, 1999; Balswick, 1993; McCubbin, Patterson, 1983 и др.).

Большое значение для семей, испытывающих стресс, имеет широкая сеть социальной поддержки. Социальная поддержка имеет внешнюю и внутреннюю составляющие: члены семьи, друзья, соседи, товарищи по работе, к помощи которых семьи могут обращаться при необходимости (Дымнова, 1998; Balswick, Balswick, 1993; Boss, 1987; Hobfoll, Spilberger, 1992; Woodall, Matthews, 1989; и др.).

Физическое здоровье является еще одной переменной, характеризующей важный семейный ресурс при столкновении со стрессом. Наличие хронически больных или недееспособных членов семьи способно вызвать дисфункцию семейной системы, поскольку семья оказывается в состоянии хронического стресса. Целенаправленные усилия членов семьи по поддержанию и укреплению своего физического здоровья повышают сопротивляемость семьи в период стресса. Кроме того, это говорит об осознании семьей ценности здоровья как ресурса (Boss, 1987).

В опросниках, созданных для оценки тех или иных переменных жизнеспособности, также отводится заметная роль многим аспектам семейных ресурсов. Так в «Шкале жизнеспособности для взрослых» (The Resilience Scale for Adults; Friberg et al., 2006), разработанной в Норвегии, оцениваются следующие факторы: «сила личности» (включает позитивный образ «Я», позитивный образ будущего), «социальная компетентность», «структурированный стиль», «семейная сплоченность» и «социальные ресурсы». Авторы теста предлагают использовать эту шкалу для измерения выраженности факторов защиты личности (каждого члена семьи), предотвращающих неадекватную адаптацию и психологические нарушения в поведении. Родители, другие близкие могут получить дополнительную информацию о сильных сторонах личности каждого из членов семьи, им могут быть показаны защитные ресурсы человека, нуждающегося в помощи близкого к нему окружения (Schaap, 2005).

Созданная Л. Райэн и М. Кальтабьяно «Шкала жизнеспособности в среднем возрасте» (The Resilience in Midlife Scale – RIM Scale) была разработана на основе современных исследований жизнеспособности и возрастной психологии (Ryan, Caltabiano, 2009). Жизнеспособность рассматривается как многоуровневый конструкт, включающий в себя внешние и внутренние факторы (Connor, Davidson, 2003; Friberg et al., 2006; Luthar, Cicchetti, 2000; Maluccio, 2002; Richardson, 2002). Во всех этих исследованиях обнаружено, что существует пять компонентов жизнеспособности (четыре внутренних и один внешний): самооффективность, настойчивость, внутренний локус кон-

троля, совладание и адаптация, семейные/социальные взаимосвязи (Kumpfer, 1999; Luthans et al., 2006; Masten, Reed, 2005; Rotter, 1989).

Семейные и социальные взаимосвязи как ресурс индивида и/или семьи, также играют важную роль в развитии жизнеспособности индивида (семьи). Широкие межличностные связи являются источником эмоциональной поддержки со стороны общества и служат основанием жизнеспособности (Greff et al., 2006; Wagnild, Young, 1993). Жизнеспособность включает способность индивида использовать семью, социальную и всякую внешнюю систему поддержки для лучшего совладания со стрессом (Friborg et al., 2006). Также в исследованиях показано, что вера или духовная жизнь индивида представляет собой еще один внешний компонент, который помогает жизнеспособности поселить в душе чувство надежды (Coppog, Davidson, 2003).

Анализ существующих методик оценки семейных ресурсов показал необходимость создания отечественного психодиагностического инструмента измерения, позволяющего комплексно оценивать все основные ресурсы семьи как системы.

С этой целью в 2002 г. нами был разработан «Тест семейных ресурсов». Теоретической основой для создания теста послужили системная семейная теория, транзактные теории стресса, экологическая теория развития У. Бронфенбреннера. В качестве главных переменных, позволяющих оценить семейные ресурсы, использовались следующие характеристики семьи: *семейная поддержка* (измеряет близость членов семьи и друзей, которые могут играть роль «буфера» в отношении к стрессовым событиям жизни); *физическое здоровье* (измеряет физическое здоровье членов семьи, наличие/отсутствие хронически больных или недееспособных членов семьи); *решение проблем* (измеряет уверенность в успешном овладении стрессовой ситуацией, навыки определения семейной проблемы, поиска необходимой информации, обдумывания альтернатив и прогнозирования последствий); *семейные роли и правила* (измеряет действительное и ожидаемое поведение, семейные нормы и санкции, желания и цели); *семейные границы* (измеряет взаимоотношения между семьей и социальным окружением, а также между различными подсистемами внутри семьи); *финансовая свобода* (оценивает, испытывает ли семья стресс, вызванный финансовыми трудностями); *семейная коммуникация* (измеряет навыки взаимодействия); *управление семейными ресурсами* (измеряет умение планировать, устанавливать цели и расставлять приоритеты, действовать согласно

плану); *доверие в семье* (измеряет открытость, способность свободно раскрывать свои чувства, тревоги, умение доверять); *семейная сплоченность* (измеряет эмоциональную связь, близость или привязанность членов семьи).

Более подробно процедура создания теста, показатели его надежности и валидности, выборка и полученные данные будут обсуждены в следующей статье.

Выводы

Назрела необходимость исследования жизнеспособности семьи, являющейся интегральной характеристикой каждого члена семьи и семьи в целом и включающей в себя способность выстоять, преодолеть неблагоприятные жизненные ситуации или преобразовать свое отношение к ним, их оценку.

Концепция жизнеспособности семьи расширяет понимание здоровой семьи, функционирующей в неблагоприятных условиях жизни, уточняет понимание ее возможностей, факторов риска и защиты, препятствующих или способствующих использованию семьей семейных ресурсов.

К семейным ресурсам, являющимся защитными факторами семьи, относятся ценные социальные, экономические, психологические, эмоциональные и физические качества, которые члены семьи могут использовать при совладании со стрессом.

Большинство ресурсов, необходимых для совладания с семейным стрессом, являющимся несомненным фактором риска для семьи, содержатся главным образом в самой семейной системе, в понимании и умении использовать защитные факторы, факторы жизнеспособности.

К системным семейным ресурсам относятся: гибкость семейных границ, ролевая гибкость, возможность пересмотра семейных правил, ясная коммуникация, умеренная сплоченность семьи, открытость в восприятии окружающего мира.

На сегодня в отечественной семейной психологии отсутствуют методики комплексной оценки системных семейных ресурсов и жизнеспособности семьи в целом, поэтому крайне важна разработка методик оценки этих качеств в русле существующих в отечественной психологии теоретических подходов: социокультурного (экологического) подхода, личностно-динамического подхода в изучении адаптации и психологии субъекта.

Литература

- Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1968.
- Ваништендаль С. «Резильентность» или оправданные надежды. Раненный, но не побежденный. Женева: Vice, 1998
- Дымнова Т. И. Зависимость характеристик супружеской семьи от родительской // Вопросы психологии. 1998. № 2. С. 46–56.
- Крюкова Т. Л., Петрова Е. А. Семейные ресурсы совладающего поведения: значение прародителей и предков // Психология и практика: сб. науч. статей / Под ред. Т. Л. Крюковой, С. А. Хазовой. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2006. С. 12–22.
- Маслоу А. Психология бытия. М.: Рефл-бук, 1997.
- Махнач А. В., Лактионова А. И. Жизнеспособность подростка: понятие и концепция // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Под ред. Л. Г. Дикой, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 290–312.
- Орлов А. Б. Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики: Пособие для студентов психол. факультетов. М.: Логос, 1995.
- Постылякова Ю. В. Ресурсный потенциал субъекта профессиональной деятельности // Социальная психология труда: теория и практика / Под ред. Л. Г. Дикой, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 224–241.
- Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. В. Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 1999.
- Balswick J. O., Balswick J. K. The family: a Christian perspective on the contemporary home. Grand Rapids: Baker Book House, 1993.
- Bloom B. L. Colorado Self-Report Measure of Family Functioning. Boulder: University of Colorado, Department of Psychology, 1985.
- Boss P. Family Stress: Perception and context // Handbook of marriage and the family / M. B. Sussman, S. Steinmetz (Eds). N. Y.: Plenum Press. 1987. P. 695–723.
- Bronfenbrenner U. The ecology of human development. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979.
- Brown G. W., Bifulco A., Harris T., Bridge L. Life stress, chronic subclinical symptoms and vulnerability to clinical depression // Journal of Affective Disorders. 1986. V. 11. P. 1–19.
- Cohen S., Symes S. Stress, social support and the buffering hypothesis // Psychological Bulletin. 1985. V. 98. P. 310–357.
- Connor K., Davidson J. Development of a new resilience scale: The Connor–Davidson Resilience Scale (CD-RISC) // Depression and Anxiety. 2003. V. 18. P. 76–82.
- Dunn D. Resilient reintegration of married women with dependent children: Employed and unemployed. Unpublished doctoral dissertation. Salt Lake City: University of Utah, 1994.
- Epstein N. B., Bishop D. S., Levin S. The McMaster Model of Family Functioning // Journal of Marriage and Family Counseling. 1978. V. 4. P. 19–31.
- Epstein N. B., Bishop D. S., Baldwin L. M. McMaster Model of Family Functioning: A view of the normal family // Normal Family Processes. Guilford family therapy series / F. Walsh (Ed.). N. Y.: Guilford Press, 1982. P. 115–151.
- Fraser M. W., Richman J. M., Galinsky M. J. Risk, protection and resilience towards a conceptual framework for social work practice // Social Work Research. 1999. V. 23. № 3. P. 131–143.
- French J. R. P., Caplan R. D., Harrison R. V. The mechanisms of job stress and strain. N. Y.–London: Wiley, 1982.
- Friborg O., Hjemdal O., Rosenvinge J., Martinussen M. A new rating scale for adult resilience: What are the central protective resources behind healthy adjustment? // International Journal of Methods in Psychiatric Research. 2006. V. 12. № 2. P. 65–76.
- Garmezy N. The experimental study of children vulnerable to psychopathology // Child Personality and Psychopathology: Current Topics / A. Davids (Ed.). N. Y.: Wiley, 1976. V. 2. P. 171–216.
- Gaudin J. M., Polansky N. A., Kilpatrick A. C., Shilton P. Loneliness, depression, stress, and social supports in neglectful families // American Journal of Orthopsychiatry. 1993. V. 63. № 4. P. 597–605.
- Greeff A. P., van der Merwe S. Variables associated with resilience in divorced families. // Social Indicators Research. 2004. V. 68. P. 59–75.
- Greff A., Vansteenwegen A., Ide M. Resiliency in families with a member with a psychological disorder // The American Journal of Family Therapy. 2006. V. 34. P. 285–300.
- Hall L. A., Gurley D. N., Sachs B., Kryscio R. J. Psychosocial predictors of maternal depressive symptoms, parenting attitudes, and child behavior in single-parent families // Nursing Research. 1991. V. 40. № 4. P. 214–220.
- Hill R. Families under stress. N. Y.: Harper and Row, 1949 (Reprinted Westport, Conn.: Greenwood Press, 1971).
- Hobfoll S. E., Dunahoo C. L., Ben-Porath Y., Monnier J. Gender and coping: The dual-axis model of coping // American Journal of Community Psychology. 1994. V. 22. P. 49–82.

- Hobfoll S. E., Spilberger C. D. Family stress integrating theory and measurement // *Journal of Family Psychology*. 1992. V. 6. № 2. P. 99–112.
- Hobfoll S. E., Vaux A. Social support: resources and context // *Handbook of stress: Theoretical and clinical aspects* / L. Goldberger, S. Breznitz (Eds). N. Y.: The Free Press, 1993. P. 685–705.
- Kazak A. E. Families of chronically ill children: a systems and social-ecological model of adaptation and challenge // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1989. V. 57. № 1. P. 25–30.
- Kazdin A. E., Holland L., Crowley M. Family experience of barriers to treatment and premature termination from child therapy // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1997. V. 65. P. 453–463.
- Klein D. C., Lindemann E. Preventive intervention in individual and family crisis situations. // *Prevention of mental disorders in children* / G. Caplan (Ed.). N. Y.: Basic Books, 1961. P. 283–306.
- Kumpfer K. Factors and processes contributing to resilience: The resilience framework // *Resilience and development: Positive life adaptations* / M. Glantz, J. Johnson (Eds). N. Y.: Kluwer Academic/Plenum Publishers. 1999. P. 179–223.
- Luthans F., Vogelgesang G., Lester P. Developing the psychological capital of resiliency // *Human Resource Development Review*. 2006. V. 5. № 1. P. 25–44.
- Luthar S., Cicchetti D. The construct of resilience: Implications for interventions and social policies // *Development and Psychopathology*. 2000. V. 12. P. 857–885.
- Maluccio A. Resilience: A many-splendored construct? // *American Journal of Orthopsychiatry*. 2002. V. 72. № 4. P. 596–599.
- Masten A., Reed M. Resilience in development // *Handbook of positive psychology* / C. R. Snyder, S. J. Lopez (Eds). Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 74–88.
- McCubbin H. J., Patterson J. M. The Family Stress Process: The Double ABCX Model of Adjustment // *Marriage and Family Review*. 1983. V. 6. № 1–2. P. 7–37.
- McCubbin H., Patterson J., Wilson L. Family Inventory of Life Events and Changes (FILE) // *Family Inventories* / D. Olson, H. McCubbin, H. Barnes, A. Larsen, M. Muxen, M. Wilson (Eds). St Paul, MN: University of Minnesota Press. 1982. P. 69–88.
- Moos R. H. Development and application of new measures of life stressors, social resources, and coping responses // *European Journal of Psychological Assessment*. 1995. V. 11. № 1. P. 1–13.
- Moos R. H., Moos B. S. Family Environment Scale. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press, 1986.
- Olson D. H. Clinical assessment and treatment interventions using the Circumplex Model. Chapt. 5 // *Handbook of Relational Diagnosis and Dysfunctional Family Patterns* / F. W. Kaslow (Ed.). N. Y.: John Wiley and Sons, 1996. P. 59–80.
- Olson D. H., Killorin E. Clinical rating scale for circumplex model (revised version). St. Paul, MN: Family Social Science, University of Minnesota, 1985.
- Olson D. H., Portner J., Bell R. FACES I Manual. Minneapolis, MN: University of Minnesota and Life Innovations, 1986.
- Parker D., Hartford T. Alcohol related problems, marital disruptions and depression symptoms among adult children of alcohol abusers in the United States // *Journal of Studies in Alcohol*. 1988. V. 49. № 3. P. 265–268.
- Polansky N. A., Gaudin J. M., Ammons P., Davis K. The psychological ecology of the neglectful mother // *Child Abuse and Neglect*. 1985. V. 9. P. 265–275.
- Reding K. M., Wijnberg M. H. Chronic stress: a conceptual perspective // *Families in Society: The Journal of Contemporary Human Services*. 2001. V. 82. № 4. P. 345–354.
- Richardson G. The metatheory of resilience and resiliency // *Journal of Clinical Psychology*. 2002. V. 58. № 3. P. 307–321.
- Rodgers A. Y. Multiple sources of stress and parenting behavior // *Children and Youth Services Review*. 1998. V. 20 № 6. P. 525–546.
- Rotter J. Internal versus external control of reinforcement: A case history of a variable // *American Psychologist*. 1989. V. 45. P. 489–493.
- Ryan L., Caltabiano M. L. Development of a New Resilience Scale: The Resilience in Midlife Scale (RIM Scale) // *Asian Social Science*. 2009. V. 5. № 11. P. 39–51.
- Schaap I. A., van Galen F. M., de Ruijter A. M., Smeets E. C. Citizens and Resilience. The balance between awareness and fear. Amsterdam: Impact, 2005.
- Tiet Q. Q., Bird H. R., Davies M., Hoven C., Cohen P., Jensen P. S., Goodman S. Adverse life events and resilience // *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*. 1998. V. 37. № 11. P. 1191–1200.
- Wagnild G., Young H. Development and psychometric evaluation of the resilience scale // *Journal of Nursing Measurement*. 1993. V. 1. № 2. P. 165–178.

- Waldren T., Bell N., Peck C. W., Sorrel G. Cohesion and adaptability in postdivorce remarried and first married families: relationships with family stress and coping styles // *Journal of Divorce and Remarriage*. 1990. V. 14. № 1. P. 13–28.
- Walker J. P., Lee R. E. Uncovering strengths of children of alcoholic parents // *Contemporary Family Therapy*. 1998. V. 20. № 4. P. 521–538.
- Walsh F. A family resilience framework // *Family Process*. 2003. V. 42. P. 1–18.
- Woodall K. L., Matthews K. A. Familial environment associated with type A behaviors and psychophysiological responses to stress in children // *Health Psychology*. 1989. V. 8. P. 403–426.
- Yegidis B. L. Family violence: implications for social work practice // *Social work practice in the 21st century* / M. Reisch, E. Gambrill (Eds). Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press, 1997. P. 127–133.

МОДЕЛЬ ПСИХИЧЕСКОГО В УСЛОВИЯХ МАТЕРИНСКОЙ ДЕПРИВАЦИИ

Е. И. Лебедева, А. В. Найденова

Множество современных исследований в зарубежной психологии, посвященных развитию детских знаний о психическом мире, проводится в русле направления, именуемого «theory of mind», или модель психического. Этот подход предполагает, что, как правило, мы оцениваем действия других людей не просто как паттерны поведенческой или вербальной активности – скорее, поведение выступает в качестве ключа к пониманию желаний, намерений и убеждений других людей. В реальной жизни мы постоянно строим модели для понимания и предсказания поведения других людей, которые включают в себя все наши знания о собственных ментальных состояниях и о ментальных состояниях других людей. Способность построения таких моделей обозначается как модель психического (способность понимать себя и других на основе внутренних моделей ментальных состояний) (Сергиенко, 2005). Такая способность развивается у детей к концу дошкольного возраста и дает им возможность взаимодействовать с другими людьми на ином уровне.

Модель психического является психологическим механизмом социализации ребенка и отражает его переход от базовых уровней развития индивидуальности к уровню агента социальных взаимодействий и, наконец, субъекта социальной жизни (Сергиенко и др., 2009).

Проблема развития модели психического в детстве не сводится только к проблеме понимания психического мира. В рамках данного подхода авторы исследований показали, что существует общая закономерность в развитии понимания ментального и физического

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук (МК-1758.2010.6).